

Татьяна Синкевич

Тайная жизнь Книжной Мамы

0+

МАЛЕНЬКИЕ ЖЕНЩИНЫ БОЛЬШОГО ГОРОДА

Татьяна Синкевич

Тайная жизнь Книжной Моли

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Синкевич Т.

Тайная жизнь Книжной Моли / Т. Синкевич — «ЛитРес:
Самиздат», 2020

Психологические проблемы обычной "маленькой" женщины. Ироничный и легкий взгляд на события собственной жизни на рубеже XX–XXI веков. Для женщин 35+ и широкой читательской аудитории.

Содержание

От автора	5
Вместо предисловия. Большой Вирус глазами маленькой женщины	6
На цыпочках	8
Соседи	11
Что родилось раньше меня	15
Книжная Моль	20
Вместо любви	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Татьяна Синкевич

Тайная жизнь Книжной Моли

От автора

Приветствую вас, друзья! Спасибо, что заглянули в мир моих невыдуманных историй. Очень личные переживания переданы мной предельно искренне и одновременно с долей самоиронии. Здесь и усвоенные уроки, и философские размышления, и любимые лирические отступления. Возможно, с чем-то вы не согласитесь, а что-то вас даже шокирует. Что же, каждый человек уникален и имеет право на личную точку зрения.

Книга писалась во время самоизоляции в период пандемии коронавируса. Это было время, чтобы поразмышлять, оглянуться на свою жизнь, возможно, подвести какие-то итоги, увидеть события прошлого глазами человека среднего возраста. Почему-то мне захотелось поделиться этим с вами.

Рукопись была уже готова, когда пандемия набрала обороты. В связи с этим я ввела в книгу дополнительную главу о том, что особо волновало меня в тот момент, – человеческие взаимоотношения.

И вот состоялся мой писательский дебют. Конечно, я очень волнуюсь, как будет воспринята вами моя первая книга. Не судите строго – честное слово, я не претендую на Нобелевскую премию по литературе!

Этой книгой мне хотелось привлечь внимание к теме маленькой женщины, про которую говорят «обыкновенная». Что ее волнует? Что она чувствует? Что для нее актуально? И вообще, что творится у нее в голове? А творится там, прямо скажем, разное. Убедитесь сами!

Некоторые главы книги содержат вставки с размышлениями на какую-либо важную для меня тему.

Я также подготовила примечания с краткими личностно окрашенными сведениями о местах, событиях и известных людях, упоминаемых в основном тексте. Так вам, надеюсь, будет интереснее следить за ходом моих мыслей.

При написании книги для меня была очень важна поддержка моих близких людей и друзей, которые верили в меня и вдохновляли на подвиги. Сердечно благодарю каждого из вас! И надеюсь, что вы разделите со мной радость от полученного результата.

Особую благодарность приношу всем, кто работал над тем, чтобы книга увидела свет, – замечательным профессионалам, ответственным, внимательным и доброжелательным людям – сотрудникам издательства «Силуэт»: верстальщику Наталье Лукиной, главному редактору Андрею Ситникову и корректору Льву Зелексону за отлично проделанную работу и чуткое отношение к творческому процессу.

Вместо предисловия. Большой Вирус глазами маленькой женщины

Начало 2020 года принесло человечеству трудное испытание – новый Большой Вирус. Первичная информация накатила как волна, которая сначала растет где-то вдалеке, затем приближается на угрожающе близкое расстояние, обрушивается со всей мощью и отходит. А мы смотрим на эту волну из огромного застекленного здания.

События мирового масштаба на фоне личных событий как-то теряются, пока не относятся непосредственно к тебе. Кажется, что сиюминутное повседневное, нет, не важнее (о важности никто не спорит), а просто в настоящий момент актуальнее. И главное сейчас – решить это сиюминутное, а уж завтра начать переживать из-за глобальных катастроф. Может, даже с понедельника или с первого числа. Сначала так и было.

Затем «волна» стала подступать, а народ начала охватывать паника. Особенно старшее поколение, которое на своем веку повидало разное, в том числе и другие эпидемии. На фоне общего беспокойства я задумалась о собственных ощущениях. Стала их искать внутри себя и... не находить. Я меланхолик, поэтому и так знаю, что все, мягко говоря, не радужно. Но... ничего нового. И какое-то странное, непоколебимое спокойствие. Уверенность, что все будет хорошо. Именно уверенность, а не бравада. Информация в СМИ накаляла атмосферу. «Волна» подходила все ближе, а ощущений – по-прежнему не было. А вот понимание ситуации было. И было всегда, с самого первого дня. В голове, а не в сердце. Это понимание заставляло проявлять осторожность, беречь себя и близких.

Я не люблю смотреть телевизор, все плохие новости я узнаю из интернета. Телепрограммы очень шумные, там есть элемент давления на зрителя. А интернет просто констатирует факты. И голова остается холодной.

Сейчас установлен режим самоизоляции. Это своевременная и правильная мера. Сидеть безвылазно целыми днями дома меня совсем не угнетает. Наоборот, я радуюсь возможности уделить время творчеству, домашним делам, да и просто выспаться или посмотреть несерьезный сериал. Самоизоляция – это польза для общества и находка для самодостаточных людей. Этот режим способствует саморазвитию, глубокой работе над собой. И мне не жаль людей, которым скучно с самими собой.

Сегодня мы наблюдаем информационно-культурный шквал онлайн-трансляций из театров и музеев... Потому что есть установка развлекать народ. Но ведь тех, кто мыслит сам, развлекать не нужно, а кому плохо и скучно – это не поможет. Не в коня корм.

Лично меня очень волнуют последствия самоизоляции. Людям сейчас безумно тяжело, потому что они разучились быть друг с другом двадцать четыре часа в сутки, разучились общаться. Возможно, какие-то семейные пары сейчас претерпевают кризис отношений. А деваться некуда, как на подводной лодке. И это, правда, тяжело и совсем не смешно, когда ставшие чужими друг другу люди вынуждены терпеть и терпеть. Когда целый день ходишь, подавляя раздражение, словно сжатая пружина, стараясь соблюдать вежливость, преодолеваешь ответную агрессию и ждешь не дождешься ночи, когда наконец-то можно будет завалиться на кровать, дежурно буркнуть «Спокойной ночи!» любимому супругу (супруге), отвернуться к стене, мысленно проклиная эти чертовы дни и чувствуя, как неумолимо и бесполезно уходит время. И, наконец, забыться сном с мыслью о том, как не хочется, чтобы наступило утро, сулящее возвращение в этот замкнутый круг. Это безысходность, прекратить которую не у каждого хватит духу. По разным причинам. И осуждать их нельзя. Просто однажды некогда близким людям вместе становится тесно. У каждого свой предел. А пока он не наступил – сколько в ночной темноте будет сжатых до боли кулаков, нахмурен-

ных лбов, закушенных губ и сдержанных рыданий!.. Я искренне сочувствую таким парам. Но сейчас я на стороне других.

Я на стороне тех, кто волей случая не имеет возможности увидеться с любимыми, посмотреть им в глаза, прижаться к ним, почувствовать их тепло, услышать биение сердца. Перед влюбленными сегодня стоит задача укротить свое эго, научиться разумной самодисциплине и сохранить себя во имя будущих отношений. Любящие сердца пылают огнем, а сегодня требуется самое трудное и почти невыполнимое – заключить этот огонь в маленькую капсулу, чтобы сберечь его в своей груди до лучших времен. Нужно словно замереть, впасть в анабиоз, чтобы не позволить душе сделаться уязвимой для тоски. Сердцу не прикажешь, оно будет томиться, сомневаться, грустить и каждый раз трепетать от радости, когда в телефонной трубке зазвучит родной голос. Нужно во что бы то ни стало не дать ситуации одержать эмоциональную победу. Но будут, конечно, и тревожное ожидание, и влажные глаза от внезапной сентиментальности, и бессонные ночи с воспоминаниями и фантазиями о жарких ласках и будущих встречах... От такого голова идет кругом. Держитесь, ребята, я с вами! Верьте в лучшее, а не можете верить в лучшее – учитесь верить в Чудо!

Обе ситуации – весьма существенное испытание для человеческих чувств и взаимоотношений. Пережить и ту и другую в режиме самоизоляции доступно лишь сильным. А что будет со слабыми? Нередко их путь – депрессия и запой. И это страшно. Потому что обострение этих болезней в обществе может обернуться новой социальной эпидемией, разрушительной для страны. Эта категория людей – будущий хлеб наркологов, психиатров, психологов, астрологов, экстрасенсов... Кто-то им поможет, а кто-то наживется на них, и без того уязвимых. И это меня очень волнует.

Большой Вирус приблизился к людям, среди них есть довольно близкие мне. Он скорректировал жизнь многих. Смогут ли они после этого восстановиться с минимальными последствиями? Однозначного ответа нет, но я им искренне желаю избежать травмирующих ситуаций и негативных соблазнов, чтобы сохранить себя.

Я желаю всем-всем-всем большого терпения, спокойствия, потому что когда-нибудь Большой Вирус отойдет, а мы останемся. И какими мы будем? Возможно, морально разбитыми стариками. А может, молодыми и сильными, однажды принявшими правильное для себя решение? Или в результате «выживут» лишь равнодушные люди? И тогда равнодушные это будет приравнено к высшей мудрости?!

Все зависит от нас. А пока живите, любите, выполняйте рекомендации по самозащите от Большого Вируса, берегите себя! И все будет хорошо! Я узнавала!

Ваша Татьяна Синкевич

Санкт-Петербург, 2 апреля 2020 года

На цыпочках

Я маленькая женщина. В смысле миниатюрная. Мой рост всего 148 сантиметров. В юности я очень этого стеснялась, поэтому во всех анкетах добавляла себе еще пару, чтобы дотянуть до полутора метров. Но правда есть правда.

Быть маленькой не совсем удобно – что-то обязательно не достать с верхних полок, в транспорте не дотянуться до поручней, а в кино или театре – трагедия, если впереди сядет кто-то высокий. Огорчает, что нельзя элегантно, без лишних суетливых телодвижений, сесть в машину или выйти из нее. Более того, крупные дамы постоянно стремятся отеснить тебя на задний план. А ты всякий раз приподнимаешься на цыпочки, чтобы казаться чуть выше, хотя бы самой себе.

Маленькой женщине многое недоступно. Я ношу не то, что нравится, а то, что случайно подошло по размеру: и одежду, и обувь. Я ненавижу походы по магазинам, потому что новые покупки, как правило, влекут за собой вечер в компании иголки с ниткой за увлекательным занятием – укорачиванием рукавов и подолов платьев, курток или пальто... А уж что говорить о длине брюк!.. И ничто так не портит настроение, как очередные безрезультатные походы за новыми туфлями. Когда тебе все велико – начинает казаться, что мир существует как бы не для тебя. А вот с украшениями, шарфиками и сумочками таких проблем нет! Здесь трудно промахнуться с размером. Их-то я и покупаю с большим удовольствием!

Таких, как я, в детстве дразнят «Малявка! Мелкая!», затем с долей превосходства говорят: «Маленькая собачка до старости шенок» и позднее – «Сзади пионерка, спереди пенсионерка». Маленькие женщины часто превращаются в «состарившихся девочек», которых не принимают всерьез. И не каждому дано разглядеть в них истинную женственность, глубину, силу, мудрость... Да, и еще: маленькую женщину никогда не назовут женщиной роскошной. Эй! Не будем грустить!

Из-за того, что я миниатюрная, мама иногда ласково называет меня «Золушка». Она любит и одноименный фильм с трогательной Яниной Жеймо в главной роли. Этот образ вызывает у нее теплые чувства. Да, кино прекрасно, спору нет! А вот сама сказка... Если задуматься, о чем она? И я задумалась...

* * *

В детстве мы все читали сказки. Но сказка – это не развлечение, а язык символов, носитель тайного кода, который познается с возрастом. Попробуем увидеть в известнейшей сказке «Золушка» то, о чем предпочитают умалчивать. Золушка – одновременно пример для подражания и предмет женской зависти (ей досталось всё и сразу). Но завидовать не стоит, ведь радужный финал сказки – «жили долго и счастливо» – лишь наше предположение.

Беда Золушки в том, что она была лишена женского внимания и воспитания: матери у нее не было, мачеха угнетала, сестры обижали; фея-крестная (волшебница!) не особо помогала. Мир женщин не принимал взрослеющую девочку, а отец не уделял ей должного внимания. Результат – хороший человек с заниженной самооценкой и невнятной сексуальной самоидентификацией.

Перед королевским балом фея вдруг обрушивает на Золушку лавину волшебных превращений плюс хрустальные туфельки – символ женской привлекательности. Это качество дается Золушке авансом, на вырост. Она еще не готова к принятию новой себя и к отношениям, поэтому, убегая с бала, теряет туфельку, которая оказалась ей чуть-чуть великовата! Неужели фея не могла сделать туфельку по размеру?

Ситуация принца еще сложнее. У него не было даже мачехи. Принц и женщины существуют в параллельных мирах. Он изолирован от жизни рамками дворца, не имеет понятия об отношениях, зато обладает завышенной самооценкой (#онжепринц). Внезапно на него обрушивается новое впечатление: прекрасная незнакомка и великоватая ей туфелька (фантом). А что же он увидел в Золушке? Себя, ведь женщина ему чужда. Принц – эгоист, а туфелька – всего лишь повод для поиска. И уж точно не фетиш, как иногда считают.

Результат: когда встречаются две незрелые личности – построить отношения без подготовки очень трудно. Надо выходить из зоны комфорта. А это боль и стресс. Здесь нужно терпение, терпимость и готовность работать над собой. У принца этот путь будет труднее и дольше, поскольку он не привык к ограничениям, он менее гибок. Золушке же, если она «дорастет» до туфелек, принц станет неинтересен. Она уйдет, потому что принц – не ее выбор, а то, что с ней случилось. И юность не может ждать. А он, возможно, достанется кому-то еще, но уже в поломанном состоянии.

* * *

Грустно? Да, возможно! Маленькие женщины, не завидуйте Золушке! И так, на всякий случай, не соблазняйте принцами! Берите себе в пример Дюймовочку как более зрелую личность. Кстати, о принцах...)))

Я, маленькая женщина, почему-то больше нравлюсь высоким и крупным мужчинам. Это, в общем-то, неплохо, даже здорово. Правда, сильно раздражает дам повыше, которые, оказывается, имеют виды на этих «почти двухметровых красавцев». Своими ревнивыми взглядами дамы дают понять, что такие мужчины – тоже #как_бы_не_для_тебя, будь ты хоть английская принцесса! Забавно... Но понять можно. Я не сержусь. Тем более что в общении с высокими мужчинами есть и минусы. Например, невольно приходится задирать голову. А еще очень неудобно ходить, взяв кавалера под руку, «по-взрослому». Полчаса такой прогулки – и всё: рука затекла, шея болит. И никто не виноват, только я сама – потому что, по мнению старших, «в детстве плохо ела, вот и не выросла». Надо же, как, оказывается, все просто!

Маленькая женщина – как несортная ягода. Она может быть такой же сладкой, но рука почему-то тянется не к ней. Таков закон жизни. И редкая свекровь не поморщится, отвечая на вопрос подружек на скамеечке у парадной: «Как молодуха?» – «Да, ничего, только уж маленькая больно...» Еще бы, ведь для своего сына-«богатыря» (даже если он похож на здоровенный тюфяк) каждая мать желает правильной «ягодки». Что ж, имеет право, #онажемать. Но ведь тут и не поспоришь: пары с большой разницей в росте, действительно, выглядят негармонично, поэтому нередко вызывают у окружающих недоумение, иронию и ненужные ассоциации. Что поделать, режим #как_бы_не_для_тебя постоянно активирован, вынуждая приподниматься на цыпочки.

А я сама люблю гармонию. И невысоких голубоглазых мужчин. Они часто имеют более пропорциональное телосложение, чем высокие, а в голубых глазах всегда (ах!) изумительно отражается солнечный свет! Впрочем, это дело вкуса. И я отвлеклась...

Но неслучайно я вспомнила о пропорциях тела. Просто в моей жизни существует одна большая настоящая любовь. Это скульптура, пластическое изображение человека. Я чувствую объемы и формы и часто люблюсь ими. Скульптура живая! Она, как и человек, существует в трехмерном пространстве, имеет разное настроение и суть. Это молчаливый собеседник, который всегда тебя выслушает и поймет. И, что важно, скульптура не предаст, не разлюбит, не унижит. А еще скульптура, как и человек, весьма уязвима...

...в большом прекрасном городе...

Ради скульптуры тоже иногда приходится подниматься на цыпочки, иначе как разглядеть отдельные детали? Но оно того стоит. И, кстати, скульптуру я предпочитаю монументальную! То есть крупных размеров. Парадокс.)))

Я живу в большом прекрасном городе. Здесь много скульптуры – в садах и парках, на фасадах зданий, в интерьерах. Это мои друзья. Они помогают мне, маленькой женщине, не чувствовать одиночества в Большом Городе. Мне всегда хотелось изучать скульптуру. Что я и делала. Самостоятельно, по книгам. Так росла, становилась «выше». В итоге выучилась на искусствоведа. Мне встретились достойные люди, которые поддержали и поверили в меня. Теперь я приподнимаюсь на цыпочки значительно реже, потому что нашла свое место в большом мире.

Но прежде чем это случилось, я прошла довольно долгий путь, наполненный яркими событиями, воспоминаниями, впечатлениями и, наконец, чувствами. Некоторыми из них я поделюсь с вами. Может быть, прочитав мое сочинение, кто-нибудь вспомнит и свои юные годы, встанет на цыпочки и приоткроет окно в собственное прошлое, чтобы почувствовать себя счастливее в настоящем?

Соседи

Окна на подсознательном уровне ассоциируются с «глазами» дома, если смотреть на него снаружи. А если взглянуть изнутри, то есть из окон, на окружающий мир – получается, что рядом та самая, постоянная, реальность, которую почти невозможно изменить, если вы живете в большом городе. Вид из окна – это почти как сосед. Он не всегда нравится, но создает ощущение стабильности мира и учит находить прекрасное в том, что имеем.

Мне с соседями очень повезло! Мои окна выходят во двор, на покатые оцинкованные крыши и красную кирпичную стену. Но другого вида и не надо. Во-первых, старый питерский кирпич, повидавший многое, весьма живописен. А во-вторых, шум дождя по крышам – это настоящая музыка, которой будет не хватать, если окажешься где-то в другом месте. Закроешь глаза – ощущение, что ты в Гроуте Большого каскада в Петергофе (кто бывал – меня поймет). А откроешь – словно смотришь на какой-то фантастический... опять же каскад. Я мысленно так и прозвала этот вид – «Серебряная гора» (по типу петергофской «Золотой горы»). Можно долго любоваться потоками воды, которые катятся по «серебряному» скату крыши и пеленой стекают вниз. А если на крышах лежит пушистый снег – то это настоящая зимняя сказка. Потом появляются длинные сосульки... А в праздничные дни в окнах напротив отражается салют! Кто сказал, что маленький двор, стены и крыши – это скучно?

Окна моего детского сада, а затем и школы, в которой я училась все десять лет, выходят на Михайловский замок. Можно сказать, что с ним я выросла! Мы созерцали этот вид почти в любое время года и суток. Михайловский замок – еще один мой сосед. Красоту этого замечательного сооружения я, конечно, осознала только повзрослев. В советское время было не принято восхвалять все, что связано с Павлом I, в том числе и архитектуру. Теперь все поменялось. Замок-то и вправду хорош! Это видно, даже если не вдаваться в архитектурный анализ, которому я впоследствии тоже научилась.

...Михайловский замок — ещё один сосед...

Следующими моими соседями стали Нева, памятник А. В. Суворову, Мраморный дворец и здание «Ленэнерго», а правильно — Павловских казарм. Именно на эти объекты выходили окна Института культуры. Наша alma mater размещалась в двух зданиях, и мы перебегали из одного корпуса в другой, в зависимости от расписания занятий. Не всегда удобно, зато красиво! Оба здания сегодня не узнать — после ремонта и реставрации интерьеры очень изменились, причем в лучшую сторону. В наше же время все выглядело значительно проще, без пафоса.

...Наша alma mater...

На долгое время моим соседом стало здание Императорского общества поощрения художеств, где размещается Союз художников. В свободную минутку из рабочего окна было интересно наблюдать, как к широким дверям здания подъезжают машины, и представители мира искусства выгружают свои произведения, чтобы смонтировать очередную выставку картин или скульптуры. Это всегда радовало меня и вызывало улыбку. Но однажды, холодным осенним утром, у здания стали собираться люди с цветами. «Наверное, кто-то умер...» – подумала я. Действительно, в тот день в здании состоялось прощание с В. Г. Трауготом, художником-графиком, с которым я пересекалась на работе. Грустно... Была я свидетелем и еще одного печального мероприятия, когда у здания Союза художников в большие автобусы садились люди разного возраста, чтобы отправиться на прощание с А. С. Чаркиным, скульптором, председателем Союза художников и бывшим ректором Института им. И. Е. Репина. Именно при А. С. Чаркине я поступила в этот институт, а вот окончила его уже при С. И. Михайловском, поэтому и в моем дипломе размашистый автограф последнего.

...Союз художников...

Каких соседей подарил мне Институт имени Репина, традиционно называемый Академией художеств? Можно было бы с придыханием и закатыванием глаз рассказывать, что ими были знаменитые гранитные сфинксы, мост лейтенанта Шмидта (ныне – Благовещенский), «Невы державное течение...» и тому подобное... Но это было бы лишь выдаванием желаемого за действительное. Окна Академии, выходящие на Неву, высоченные, с растрескавшимися подоконниками, облезлыми рамами, щелями, с постоянно мутными от копоти и пыли стеклами, не особо располагали к любованию прекрасными видами. К тому же чаще всего они были плотно закрыты черными шторами. В учебных аудиториях необходимо затемнение, поскольку лекции проходили с показом слайдов с помощью стареньких диапроекторов. Уважаемые преподаватели переставляли слайды вручную. И в этом была особая прелесть. Казалось, что время останавливалось. Мы, студенты, чувствовали себя частью Вечности.

Соседями по Академии художеств для меня стали виды из окон, выходящих во внутренние дворы. Фасады здания требовали реставрации – попадались пятна и потеки от сырости,

осыпавшаяся штукатурка, во двориках – сложенный хлам... Все это выглядело интересно и как-то камерно, по-домашнему. Из некоторых окон можно было увидеть и нечто возвышенное, например статую Минервы с гениями художеств, венчающую купол Академии. Такое вот контрастное «соседство». Совсем другое дело – окна музея Академии (так называемого Циркуля), выходящие в идеально круглый двор с сидящей бронзовой фигурой И. И. Шувалова – основателя и первого президента Академии художеств, – в центре. Гармонично и грандиозно! Существует легенда о равенстве диаметров этого двора и купола собора Святого Петра в Риме. Так, по преданию, распорядилась Екатерина II, чтобы ученики Академии легче и нагляднее представляли себе масштабы архитектурных сооружений. Легенда весьма правдоподобна – ведь в архитектуре прошлых веков нет ничего случайного.

Жизнь переменчива. Мы переезжаем, меняем место работы, оказываемся в разных точках земного шара. Меняются и наши «соседи» – виды из окна. К некоторым из них бывает сложно привыкнуть, но их следует учиться хотя бы уважать. Иначе они обязательно будут по-своему портить нам жизнь. А надо, чтобы украшали!

Я рассказала про своих «соседей». А какие были у вас? Вспомните, улыбнитесь и мысленно поблагодарите их!

Что родилось раньше меня

Про ленивого человека говорят: «Лень раньше тебя родилась!» Ко мне это тоже относится. Я ленива. Потому что физически не сильна, а лень помогает мне экономить силы для чего-то действительно нужного – поступков, дел, важных занятий... При слове «лень» у меня перед глазами возникает образ свернувшейся колечком змейки, греющейся на солнышке, где-нибудь в уголке двора. Наверное, потому, что я родилась в год Змеи. И когда я говорю, что ленюсь, то сразу ощущаю себя той самой змейкой с нагретой горячим солнцем кожей и зажмуренными глазами.

Я люблю гулять по центру Большого Города и его дворам с интереснейшей архитектурой. Теперь дворы большей частью закрыты из соображений безопасности, туда так просто не попадешь. Зато они стали более ухоженными и красивыми. Мне обычно везет: я, маленькая женщина, не вызываю подозрений и проникаю внутрь, чтобы сделать несколько кадров на телефон. Фотоаппарат-то я с собой не ношу. Ленюсь. У меня нет задачи фотографировать, я просто люблю побродить по дворам и поразмышлять обо всем, что приходит в голову. А еще поискать приятные солнечные уголки, где можно было бы по-змеиному свернуться колечком... Вот только змейкам нигде не рады. Да и ленивым тоже...

И все-таки раньше меня родилась не лень, а страх. Я боюсь всего. Звучит, конечно, странно. Многие удивляются: как это возможно? Но всё именно так. Мое состояние трудно объяснить людям. И я молчу. Это моя тайна.

Попробуйте представить себе такую картинку: словно я – крошечный человечек, живу в домике и робко открываю его дверцу, чтобы выйти наружу. Выхожу тихо-тихо, озираюсь, иду вперед. В нескольких шагах от домика – озерцо. Я осторожно ногой пробую воду – она обжигающе ледяная! Я в испуге трясую ногой и бегу обратно в домик, захлопываю дверь, забираюсь в кровать и, съжившись, накрываюсь одеялом с головой, чтобы прийти в себя. Вот это стресс – холодная вода! Лишь успокоившись – продолжаю свое познание мира. Вновь выбираюсь из домика и проделываю тот же путь, но уже гораздо смелее.

Так бывает часто. В итоге мир познается не с первого раза. Почему так? Когда я пугаюсь – я сильно расстраиваюсь. Но не потому, что я маленькая женщина. Просто я меланхолик. Таков мой тип темперамента. Состояние души – меланхолия, – тоже родилось раньше меня. Кроме того, я аналитик – мне нравится наблюдать и раскладывать по полочкам различные явления, события, заниматься самопознанием... Столько всего приходит в голову!

К слову, о темпераментах. Однажды я задумалась на эту тему и попробовала взглянуть с этой точки зрения на одно известное литературное произведение, а именно роман в стихах «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. Вот что из этого получилось.

* * *

Все мы помним из школьной программы сюжет романа и четырех главных персонажей: Онегин, Ленский, Татьяна и Ольга. Пушкин лишил своих героев какого-либо совместного будущего. Почему? Здесь все просто. Эти герои принадлежат к различным преобладающим типам темперамента. Следует обратить внимание, что любой темперамент – это физиология, то, что прорывается вовне через воспитание, минуя разные условности.

Татьяна. Ее принято считать самым положительным персонажем романа. Она меланхолик, это ясно уже из первых строк ее описания. Она грустит, даже если для этого нет особых причин. Меланхолик, озаренный сверхидеей, способен проявлять активность, и Татьяна действует решительно, но тайно. Фактически именно Татьяна является источником всех проблем

в романе: ее любовные страдания так или иначе отражаются на всех персонажах и определяют ход событий.

Ольга. Выраженный сангвиник. Мила, весела, но поверхностна и непривязчива к людям или событиям. Между сестрами нет особого тепла, хотя после их разлуки Татьяна, как и положено меланхолику, грустит. Даже гибель Ленского – во всех смыслах серьезное событие, – для Ольги не является потрясением. Она вскоре выходит замуж и уезжает. Но стоит ли упрекать ее в черствости? Нет. Просто сангвиники – оптимисты, они умеют переключаться на что-нибудь другое. В этом их сила и стойкость перед обстоятельствами.

Ленский. Юноша с преобладающим типом холерика. Отсюда его пылкость, горячность, упрямство. Из двух сестер он выбирает Ольгу, по принципу подобия с собственным Эго. Хотя ему как поэту правильнее было бы выбрать Татьяну (даже Онегин это подмечает), но Ленский словно не видит ее глубины. Весь его романтизм – на деле показной. Проблема и беда Ленского в его негибкости: он сломался перед обстоятельствами, проявив твердолобость, в страстном желании соответствовать надуманным сценариям поведения.

Наконец, Онегин. Пожалуй, самый несчастный персонаж романа. Постоянная жертва обстоятельств. Он флегматик, поэтому сам особо никуда не стремится, зато всегда оказывается вовлеченным в какие-либо истории. Ему подошла бы фраза: «так получилось». Единственным проявлением его воли является письмо Татьяне с последующим визитом к ней. Герой, наконец созревший для чувств, получает отказ, правда, после ответного признания в любви (а это шанс!), но Онегин не борется за собственное счастье, предпочитая оставаться в зоне комфорта.

Поступки героев романа – единственно правильный выбор каждого из них, органичный и максимально естественный, учитывая их преобладающие типы темперамента. В том, как сложились их судьбы, никто не виноват.

* * *

Александр Сергеевич Пушкин, конечно, знал толк в психологии! Читать «Евгения Онегина» между строк – одно удовольствие. Попробуйте сами! Жаль, что ни в институте, ни тем более в школе это произведение так не преподносят. Было бы не только интереснее, но и значительно полезнее, а творчество А. С. Пушкина воспринималось бы актуальнее. Юных учат мыслить высоко, а дело часто оказывается в банальной физиологии. Даже здесь.

Мое «великое открытие» насчет темпераментов в романе находит подтверждение в опере «Евгений Онегин» П. И. Чайковского, где характеры персонажей гораздо более условны, чем у А. С. Пушкина. Чтобы досконально разобраться в жизненной сути произведения, оба шедевра лучше рассматривать параллельно.

Несомненно, раньше меня родилось критическое восприятие мира. Это оберегает меня, маленькую женщину, от иллюзий. И это делает меня решительной в по-настоящему важных для меня вещах. Поэтому я понимаю мотивы поступков пушкинской героини Татьяны Лариной, хоть и отмечаю, что ее поведение в романе носит характер откровенной провокации даже сегодня, а не только с точки зрения нравов XIX века. У нас есть сходство. Я тоже Татьяна, а с виду – маленькая женщина, меланхолик... Так-то!

Вообще о меланхолии можно рассуждать много и долго. Позволю себе некоторые подробности.

Темперамент меланхолика частенько заставляет меня видеть краски мира как сквозь немытое стекло, то есть с легким налетом грусти. Это очень важно, поскольку именно грусть в любом явлении бросается мне в глаза в первую очередь. Мне это жить не мешает, а вот окружающим... очень даже!

Меланхолик неудобен. Он не вписывается в картину «правильного» мировосприятия. Чувствуете? Проблема удваивается: просто маленькая женщина еще туда-сюда, а вот малень-

кая женщина-меланхолик – всё, пиши пропало. Но ведь темперамента-то четыре и солнце светит всем!

Больше всего на свете меланхолика не просто раздражает – злит, когда окружающие пытаются его расшевелить, удивить, увлечь, а главное, убедить, что он живет не так, и показать, как жить надо. Иными словами, воспитать, то есть сделать удобным для себя. Это бывает сплошь и рядом – в семье, детском саду, школе, институте, в компании друзей и знакомых и даже на работе. Фактически личность с меланхолическим темпераментом изначально формируется и существует во враждебной среде. А потом, повзрослев, оказывается и вовсе разбитой, закомплексованной, а иногда и ожесточенной. Люди, будьте терпимее! Не учите меланхоликов жить! Лучше помогите... нет, не материально! И не им. Помогите себе принять их такими, какие они есть. Конечно, если вам это нужно. Пожалуйста, не развлекайте их. Они и сами способны вас удивить и развлечь, причем в хорошем, правильном смысле слова. Меланхолики весьма понятливы и слишком восприимчивы. Не торопите их, им иногда требуется время, чтобы осознать и пережить собственные чувства. А если вам это не нужно – просто отойдите в сторону и не стройте отношения дальше обычной вежливости. Спасателей нам не надо!

Не секрет, что у каждого человека на земле есть своя роль, которую он играет на протяжении всей жизни, в меняющихся декорациях. Каждая роль имеет смысл. Человеческие роли тесно взаимосвязаны. Уберите одну – пострадают другие! Борец закисает, когда не с кем бороться; артист – при отсутствии публики, воспитатель – без учеников...

Мои дорогие холерики, сангвиники и флегматики, может быть, вы столь яркие и правильные в том числе и потому, что рядом с вами есть меланхолики? А вы, любезные меланхолики, не сердитесь на всех остальных. Часто они и не думают вас задеть или обидеть. В общем, живите дружно! Помните: Арлекин существует потому, что есть Пьеро. Каждый из них без своего антипода будет бледен и лишен смысла.

В годы моей учебы в Кульке у меня была подружка. Сангвиник, то есть человек с противоположным меланхолику темпераментом. Нам было классно, хорошо и весело. Почему? Мы принимали разницу друг друга и иронизировали над ней, доводя личные качества до какого-то фарса. Делали мы это неосознанно, да и как могло быть иначе в девятнадцать лет (только гораздо позже я узнала, что, оказывается, есть такая психологическая практика). В нашем общении мы как бы отыгрывали роли: я – Пьеро, а она – Арлекина. То есть не важно, что происходило, – я нарочито искала во всем поводы для нытья (даже если их и не было, а я в тот момент видела исключительно что-то светлое), а она – поводы для веселья.

Это была игра, поддерживая которую, мы убивали сразу двух зайцев: не противоречили собственной природе, сохраняя душевное спокойствие, и имели постоянную возможность разносторонне видеть любое явление и ситуацию. Главное, что многое переживалось не всерьез, а по законам жанра выбранной игры, что было очень полезно. Такое общение спланивало лучше каких-то девичьих секретов. Мы говорили обо всем на свете! Это было важно и ценно.

После института наши пути надолго разошлись, но опыт, полученный в юности в результате такого общения, как и чувство благодарности за него, я доношу через всю мою жизнь. Конечно, тема Пьеро и Арлекина гораздо глубже, чем мы имели о ней представление в нашей юности. Но мы и не стремились нагрузить игру какой-либо глубиной, а брали лишь внешнюю, видимую сторону темы антиподов. Зачем скрывать – не будем умничать, – в голове были не столько образы комедии дель арте (хотя в институте у нас были лекции по истории театра), сколько персонажи детского фильма «Приключения Буратино», на котором мы и выросли. Ведь так веселее и понятнее, когда все происходит как в пьесе «Тридцать три подзатыльника» – легко!)))

Описанная мной ситуация в те годы заставила меня не только задуматься о двойственности человеческой природы, но и обратила мое внимание на некоторые сюжеты в изобразительном искусстве. Оказалось, мне нравится что-то сравнивать, искать сходства, различия,

противопоставления. Я любила рассматривать картины «Сирин и Алконост. Песнь радости и печали» В. М. Васнецова, «Любовь земная и небесная» Тициана, а также античную скульптурную группу «Орест и Пилад».

Когда-то у меня дома над письменным столом висела репродукция картины Поля Сезанна «Пьеро и Арлекин». Эта картина меня чем-то сильно завораживала. Не вдаваясь в искусствоведческий анализ и без специальных терминов, назову лишь пару моих личных причин, лежащих на поверхности.

Первая – сдержанность во всем: здесь и намек на движения, и тот самый, сезанновский, «темный» налет, как бы приглушающий краски, и ощущение равновесия. На этой картине у меня отдыхал глаз.

Вторая причина – жест Пьеро, который я воспринимала как поддерживающий для фигуры Арлекина. То есть в юности я «читала» эту картину так: «За каждым Арлекином стоит Пьеро. Каждого Арлекина поддерживает Пьеро». А теперь, спустя годы, добавлю, что и Пьеро, и Арлекин – как две стороны одной медали. Это всего лишь маски, задача которых, в понимании обывателя, – глумиться над действительностью. Один – с помощью грусти и нытья, а другой – через злое веселье. Оба играют предназначенные только им роли, отвечают своему амплуа. Это театр, не более. И ничего всерьез!

Итак, меланхолия в виде качества, свойственного темпераменту, может быть другом, хоть и весьма своеобразным. Но существует и ее обратная сторона. Меланхолия – как некое тягостное состояние – враг. Когда всё вокруг наполняется чернотой, несущей страшную, разрушительную силу, способной убить любую жизнь вокруг и уничтожить даже самые крепкие отношения. Состояние временное, но сильное. Это, действительно, очень тяжело для личности и окружающих, особенно самых близких людей. С таким состоянием невозможно справиться без чьей-либо помощи. А какая она обычно бывает? Человека начинают тормозить, поучать и насильно, за уши тянуть в «счастье»... и результат противоположный. Это все не то... Такого меланхолика надо напугать. И если он здоровый человек – он многое осознает и начнет работать над собой. По крайней мере, включит самоконтроль и увидит для себя какой-то позитивный выход из ситуации.

Однажды именно так «напугалась» я сама, посмотрев фильм Ларса фон Триера «Меланхолия». Браво режиссеру! Так тонко и точно передать разрушительную мощь и последствия женской меланхолии! Так грамотно развернуть сюжет, хотя активного действия в фильме нет, а есть лишь пребывание в том или ином состоянии! В общем, дорогие меланхолики и в особенности женщины, посмотрите сами: узнаете себя много-много раз. Хорошая профилактика.

По сути, меланхолия воспринимается как своего рода эгоизм, причем очень сильный: когда все хорошо – меланхолику плохо; а когда плохо – ему может стать лучше (совсем хорошо, видимо, никогда не бывает). Может, и так. Потому что он сформировался во враждебной среде.

Когда вокруг все плохо – меланхолик нет, не радуется, а успокаивается, чувствуя правоту своей точки зрения. Это порождает у него чувство собственной значимости, вызывает самоуважение, делает адекватным восприятие действительности. Откуда-то берутся и трезвый ум, и твердая рука, и выдержка, и даже мудрое поведение. Личность может испытывать прилив сил, эмоциональный подъем и на этой волне вдруг поразить всех, например ораторскими или организаторскими способностями, когда другие сдают позиции. Что ж, у всех есть свой звездный час.

Когда «все плохо», держитесь меланхоликов, именно они выведут всех из беды! Главное, не давайте меланхолику впасть в настоящую депрессию. Друзья, берегите своих Пьеро – они тоже нужны! Ведь в жизни нет ничего случайного. А слабости – они есть у каждого.

Книжная Моль

В жизни каждого человека однажды наступает момент, которому неизменно сопутствуют растерянность и стресс. Это момент выбора профессии. Еще бы! Откуда юному созданию знать, как лучше поступить и к кому прислушаться? К отцу, матери, друзьям, может, в итоге к собственным фантазиям? Получается, выбор пути чаще происходит неосознанно, словно не всерьез. И в нем, как в первом раннем браке, можно довольно легко и быстро разочароваться и всё бросить.

У меня всё не так. С детства я почему-то не сомневалась, что стану библиотекарем. Это-то и была моя фантазия! Об этом я написала еще в школьном сочинении во втором классе! «Это самая женская профессия!» – слышала я от многих. А что может быть лучше для маленькой женщины? К тому же и в этом вопросе так трудно было уйти от привычного режима #как_бы_не_для_тебя.

...я оказалась ... в Кульке...

Так я оказалась в Институте культуры, или в Кульке, как его называют в народе. Там у меня появились веселые подружки, легкие в общении и острые на язык. Мы называли представительниц библиотечной профессии, и себя самих, конечно, – Книжными Молями. Было очень смешно, когда вдруг спрашивали: «А на кого ты учишься?» – «На Книжную Моль!» Такое название возникло как-то сразу и очень прижилось в нашей студенческой компании. В нем было главное – самоирония. Мы же не вкладывали в это обозначение какой-либо уничижительный смысл, просто веселились как могли.

Среди институтских Книжных Молей попадались свои эталоны, настоящие «иконы стиля». Таковой была преподаватель истории библиотечного дела – невысокая женщина лет сорока, с очень короткой стрижкой светленьких тонких волос, разумеется, в очках, с бледным лицом (она не пользовалась косметикой), правда, в довольно крупных серьгах и бусах.

Она всегда носила черный жакет с белой блузкой и длинную широкую юбку. В общем, сверху «мальчик», снизу – «баба». При этом для середины девяностых она выглядела даже как-то современно, хоть и нелепо. «Вот-вот, и мы такими же станем к концу обучения – настоящими Книжными Молями», – думалось нам. И это оказалось правдой... Сейчас, спустя двадцать пять лет, что я вижу в зеркале, собираясь на работу? Да, ее, Книжную Моль – маленькую сорокалетнюю женщину, с короткими тонкими светлыми волосами, бледную, в очках, надевающую крупные серьги... Стоп! А вот бусы тут лишние! Откуда же такое отражение? Потому что я хорошо училась в институте! Теперь всё не так. Из Кулька выпускаются сплошь красотки. Вероятно, нынче учат как-то по-другому...

Это, действительно, так. Например, сегодня, в эпоху электронных каталогов, знакома ли библиотечной молодежи дикая забава студентов девяностых под названием «Снежок»? Не знаю. А мы, каюсь, баловались – подкидывали вверх каталожные карточки, чтобы они разлетались по всему помещению, с возгласом: «Снежок!» А потом собирали их с пола и расставляли на место. В чем суть? Не дать нападающим вырвать у тебя из рук карточки, подготовленные к расстановке, не дать разрушить разложенные по номерам стопки карточек. То есть тут в чистом виде тренировка ловкости, сноровки, а то и силы! Настоящий спорт! Да и весело! Сейчас и тренироваться-то не на чем. Разве что в какой-нибудь электронной базе данных ошибок в записях наделать! Но это уже будет совсем не тот «Снежок»...

«Самая женская профессия» в общественном сознании до сих пор имеет ряд устойчивых стереотипов: нет престижа, мужчин и денег. Бытует также убеждение, что на библиотекарей учатся сплошь какие-то блаженненькие. В действительности с деньгами и мужчинами – кому как повезет. Вот с престижем – и правда похуже... А странноватых личностей среди библиотекарей, действительно, хватает! В общем, библиотека – самое подходящее место для маленькой женщины, чтобы никогда ни с кем не конкурировать.

Теперь другие времена. Бумажная книга уходит из нашей жизни. Понятие Книжная Моль стало неактуальным: скоро и библиотеки-то будут без почти книг. Выходит... мы зря учились? Нет! На нас, бывших студенток середины девяностых, возложена важная культурная миссия: донести до потомков тот неповторимый внешний вид и стиль одежды, чтобы им было понятно, как выглядит настоящая Книжная Моль. Иначе как они это узнают? И мы, работники библиотек, с гордостью несем эту миссию людям! Так сказать, сохраняем традиции. Пожалуй, наденука я еще и бусы...

Все это, конечно, шутка... Библиотекари – нормальные люди. Став Книжной Молью, я ни разу не пожалела о выборе профессии. Что же в ней такого хорошего? Чем она может быть полезной маленькой женщине? Тем, что она учит не теряться ни в чем (в первую очередь в обилии информации) и примиряет с режимом #как_бы_не_для_тебя, в котором, оказывается, вполне можно существовать, причем длительное время.

Говорить о том, что Книжные Моли живут скучной жизнью, тоже неверно. Мы жили весело, а наши развлечения не наносили вреда ни нам самим, ни окружающим.

В студенческие годы мы, как и все, иногда прогуливали лекции. И ведь где прогуливали! В Эрмитаже! Благо он находится близко от института, студентам – бесплатный вход, да и народу в середине девяностых в Эрмитаже было мало: ни толпы, ни очередей. И мы активно этим пользовались. К тому же там всегда тепло и сухо, что весьма актуально, если ты живешь в Питере.

Но иногда Эрмитаж приходилось посещать ради выполнения, на наш взгляд, абсурдных заданий, которые нам давали преподаватели нелюбимых дисциплин (в то время появилась «мода» на нестандартные методы обучения). Одним из таких заданий было написать эссе на тему «Мой образ в искусстве», выбрав какое-либо произведение из коллекции Эрмитажа как соседнего музея. Найденный шедевр нужно было соотнести с собой по внутренним ощущениям, внешней схожести или по другим параметрам и сделать подробное описание этого произведения, придумать историю героя и тому подобное. В этом задании был только один плюс – лишний раз оказаться в Эрмитаже и случайно там зависнуть: побродить по залам, погрузившись в собственные мысли, наконец, «выгулять» обновки – наряды и украшения! Какой уж тут «Мой образ в искусстве»!

Тем не менее свои «образы» мы искали весьма тщательно (преподаватель был строгий), параллельно с удовольствием рассуждая друг с другом на тему какой-нибудь картины или статуи. Правда, почему-то скульптурой из моего окружения особо никто не интересовался. Большинство предпочитали живопись импрессионистов. Я тогда тоже немного этим увлекалась. Но любила всегда именно скульптуру. Поэтому из всех залов Эрмитажа я чаще посещала залы античного искусства, где ощущалась какая-то особая прелесть. Там можно было бродить подолгу. Однажды был курьезный случай: я в тысячный раз обошла мои антики, присела на скамейку в зале Венеры и о чем-то глубоко задумалась, делая пометки в своем блокноте. В общем, на какое-то время выпала из реальности. А затем поднялась и направилась было к выходу... но спохватилась: стоп, я же в Эрмитаж пришла! Тут же надо мной еще два этажа шедевров! Повернула обратно, конечно. Потом самой было смешно...

«А найду-ка я “свой” образ в скульптуре, – подумала я. – Да такой, чтобы преподаватель отстал навсегда». И ведь нашла. Ни много ни мало – Афины Палладу, мой юношеский идеал и пример для подражания. А главное, лучшего образа для Книжной Моли и не придумать.

«Афина» – мое институтское прозвище, которое, как ни странно, прилипло ко мне еще с первого курса. Видимо, образ был найден очень точный.

Сейчас, конечно, это вызывает улыбку... Персонаж-то, в общем, своеобразный. Но я из всех сил стремилась ему соответствовать: читала «умные» книги, задумывалась о великих вещах, накапливала вселенскую мудрость, отвергала быт, не придавала должного значения собственным чувствам (#яжеафина)... А главное, отрастила волосы и носила «античный» узел на затылке. Мне казалось это очень красивым. Теперь-то ясно, что мудрость совсем в другом... А красота – тем более...

Но в подражаниях были и плюсы: воспитание бойцовских качеств, воли, реальное восприятие действительности, без ложного романтизма. Главное же – развитие наблюдательности и аналитических способностей. Именно эти качества Афины очень пригодились мне, когда я, уже став дипломированной Книжной Молью, отдалась своей страсти – изучению скульптуры, внимательному к ней отношению, чувству «жизни» в ней, «чтению» ее... Эти навыки определили мою дальнейшую судьбу – я стала искусствоведем. Так что в эрмитажных прогулах неинтересных лекций оказалась и польза. Но, друзья, осторожнее с искусством! И уж тем более не ищите там «свой образ», а то однажды он начнет жить вместо вас и за вас. Всякое может случиться! Юность-юность, максимализм, однако...

Во время учебы в Кульке мы, будущие Книжные Моли, после лекций как-то не особо спешили расходиться по домам, зато любили посидеть в пустых аудиториях, поболтать обо всем, посплетничать... Нас было человек пять-шесть. И как-то так сложилось, что все мы неплохо пели, да и любили это дело. Хотя музыкальные предпочтения были у каждой свои. Оказалось, что всем более-менее знаком советский песенный репертуар, в основном лирический, и собравшиеся могут его поддержать. Так мы стали иногда проводить время с песней. В аудиториях была шикарная акустика. Мы получали удовольствие от собственного пения (словно ангелы поют, как сказала одна из нас). А что пели? Хорошие песни: «Каким ты был, таким остался...» (с нее всегда начинали), «Ой, цветет калина», «Старый клен», «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина», «Зачем вы, девочки, красивых любите?», «На побывку едет молодой моряк» и тому подобное.

Хитом мероприятий почему-то всегда была песня «А я люблю жена-а-а-того». Она пелась с особой жалобной интонацией. Хотя в свои восемнадцать-девятнадцать лет мы, конечно, и понятия не имели, каково это на самом деле – любить женатого. Но общий настрой песни улавливали и, как умели, передавали.

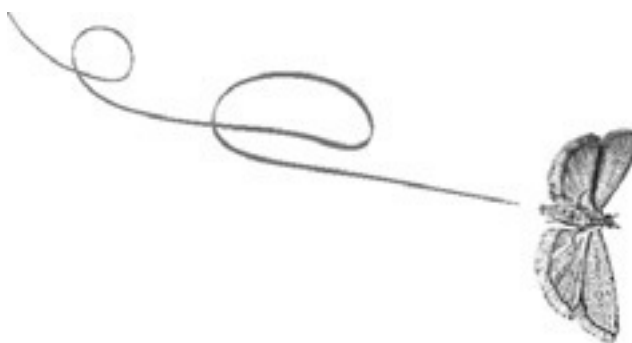
Совместное пение удивительно объединяет. Расходились мы обычно с чувством глубокого удовлетворения. Если в момент «концерта» кто-то заглядывал в аудиторию, мы не замолкали. Любопытные обычно деликатно удалялись. Вероятно, они считали, что мы не с библиотечного факультета, а «массовики-затейники», поэтому нам не мешали, думая, что мы, вероятно, репетируем. А мы просто получали удовольствие. От песен, от самих себя, от общей беззаботной атмосферы.

Однажды в институт пришел молоденький преподаватель. Между собой мы называли его «Пельмень» за плотное телосложение и маленький рост. Преподаватель был очень умный. Ходили слухи, что его любимой книгой с детства была Большая советская энциклопедия, которую он читал от корки до корки. Это было похоже на правду. Лекции, которые он читал, были весьма интересны. Но вне лекций Пельмень вел себя со студентами строго, высокомерно, иронично и был очень вспыльчив.

Как-то раз в аудиторию, где проходила его лекция, сквозь приоткрытую дверь забрела кошка... Это вызвало всеобщий восторг! Кошка невозмутимо прошлась по аудитории и тихо села в уголке. Студенты также затихли. Можно было бы спокойно продолжить лекцию. Но Пельмень почему-то вспылал, схватил кошку и вышвырнул ее за дверь, с грохотом ее захлопнув. Многим это напомнило известную сцену из фильма «Доживем до понедельника».

Студенты этого не одобрили. На следующую лекцию Пельменя никто не пришел, ему объявили бойкот.

Этот случай произвел на нас впечатление. И мы, группка «певичек», решили увековечить произошедшее в музыке, а именно создать «оперу», так мы назвали наше сочинение. Хотя, по сути, это был скорее мюзикл. Взяли известные песни, в том числе из кинофильмов, и даже арию Мистера Икс. Одна подруга имела талант сочинительства, она переделала содержание текстов. Что-то сочинялось совместно. Получилось весьма забавно. Был пролог, история кота, история и ария самого Пельменя, эпилог... Мы пели эту «оперу» в аудиториях и даже записали на кассету. Теперь куда-то всё подевалось... А слова до сих пор иногда всплывают в голове, хотя прошло четверть века. Чего только не хранит наш мозг! Чего только не слышали стены института! Вспоминаю и улыбаюсь, даже иногда напеваю себе под нос, пока мою посуду.

Вместо любви

Про свою большую любовь – скульптуру, – я уже упоминала. Но как это случилось? Я родилась и выросла недалеко от Летнего сада. Скульптуры в месте моих частых прогулок – саду, – это моя естественная среда. А разглядывание статуй и бюстов – привычное времяпрепровождение.

Я с детства обожала Летний сад – прозрачный, с широкими, тенистыми, аллеями и почерневшими от времени мраморными статуями... Он был живой. Сад дышал сам и дарил атмосферу всем, кто оказывался в нем. Он словно приглашал к медитации. Сюда мы, школьники, по осени приходили убирать опавшие листья, вернее сгребать их в кучи, а потом прыгать и валяться в них. Сюда же я, готовясь к экзаменам в институте, с учебниками и тетрадями приходила и размещалась на скамейке где-нибудь на боковой аллее. Здесь мы гуляли с подружками. Наконец, в саду, прямо напротив скульптурной группы «Амур и Психея», однажды теплым весенним вечером, тысячу лет назад, состоялся мой первый поцелуй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.